

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2026-155-2-242-260>

МРНТИ 17.07.41

Научная статья

К.Р. Нурғали¹, Ю.А. Богданова²

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: ¹nurgalik1@mail.ru, ²ukis82@mail.ru)

РОДИНА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX– XXI ВЕКОВ

Аннотация. Тема Родины в русской поэзии за два века заметно преобразилась. В XIX столетии она подавалась преимущественно через романтическую призму: восторг, идеализация, патриотическое чувство. К нашему времени картина резко усложнилась. Сегодняшние авторы пишут о Родине иначе – в их произведениях и любовь, и горечь, и память о трагических страницах прошлого, и попытка принять внутреннюю пестроту страны. Разговор о родной земле становится глубоко личным, почти исповедальным. В работе показано, как смена исторических эпох, общественные потрясения и новые эстетические запросы постепенно перестраивали поэтическую оптику. Выделены устойчивые образы (земля, поле, река, берёза, деревня, дорога, дом) и мотивы – от светлой пасторали до щемящей тревоги. Через призму коллективной памяти эти элементы образуют прочный смысловой каркас русской лирики. Анализ современных текстов выявляет интересную тенденцию: образ Родины всё чаще становится ареной столкновения традиции с новаторством, личного – с общим. Поэзия, как выясняется, не просто хранит память, но и постоянно перерабатывает её, не давая заостреть нашим представлениям о самих себе. Такой ракурс открывает новые грани в, казалось бы, давно изученном материале.

Ключевые слова: Родина, культурный код, русская поэзия, эволюция образа, межкультурное взаимодействие.

Поступила: 30.03.2026; **Доработана:** 29.05.2026; **Одобрена:** 18.06.2026; **Доступна онлайн:** 30.06.2026

Введение

Образ Родины является одной из фундаментальных констант русской поэтической традиции, семантическое поле которой претерпевает значительную эволюцию на протяжении двух столетий. Если в поэзии XIX века он нередко воспринимался как источник гармонии и высокого вдохновения, то к рубежу XX–XXI веков эта категория существенно усложняется, вбирая в себя экзистенциальные переживания утраты, рефлексию исторических трагедий, острую ностальгию по уходящему и напряженное осмысление культурного многообразия (Ананьева, 2020; Барковская, 2024; Boym, 2001). Родина перестает быть исключительно географическим или политическим понятием; она трансформируется в пространство внутренних переживаний каждого поколения, в символический локус, где личный опыт переплетается с коллективной исторической памятью (Erll & Nünning, 2010; Huyssen, 2003). Эта метаморфоза происходит под непосредственным влиянием общественных перемен, рождая новые поэтические формы – от экзистенциального крика до углубленной лирической рефлексии о национальной идентичности в условиях глобализации и социальной дезинтеграции (Hodgson & Smith, 2020; Boele & Schellens, 2024; Kukulin, 2024; Parts, 2025).

В рамках настоящего исследования эволюция образа Родины рассматривается на материале поэтических произведений А. Кольцова, И. Никитина, Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Яшина и В. Гундарева, репрезентирующих различные историко-литературные модели осмысления родной земли. Каждый из них выстраивает уникальную интерпретацию Родины как культурного кода, а совокупность их творческих исканий отражает постепенный переход от целостного, эпического восприятия к сложному, подчас противоречивому взгляду, обнажающему всю глубину этой темы в условиях непрерывных исторических вызовов (Erll & Nünning, 2010; Huyssen, 2003). Современная поэтика, сохраняя генетическую связь с прошлым (где деревня остается символом утраченного мира, реки – носителями исторической памяти, а городские пространства – свидетелями личных судеб), вступает в напряженный диалог с эпохой, фиксируя изменения общественного настроения и обостряя вопрос о сохранении культурной идентичности (Ананьева, 2020; Барковская, 2024).

В современной гуманитарной науке образ Родины осмысляется сразу в нескольких взаимосвязанных исследовательских перспективах. Прежде всего, он рассматривается как один из ключевых элементов культурной памяти. Художественный текст не просто сохраняет представления о прошлом, но и активно участвует в их символическом переосмыслении, формируя новые способы восприятия исторического опыта (Erll & Nünning, 2010; Huyssen, 2003; Hodgson & Smith, 2020). Не менее значима связь категории Родины с проблематикой национальной и коллективной идентичности. Поэтическое слово создаёт устойчивые модели культурной принадлежности, благодаря которым индивидуальное переживание включается в широкий историко-культурный контекст и обретает общезначимое звучание (Boym, 2001; Ананьева, 2020; Барковская, 2024; Boele & Schellens, 2024). Наконец, современные исследования всё чаще обращаются к русскоязычной литературе как к пространству культурного пограничья, где образ Родины складывается не столько в пределах единой национальной традиции, сколько в результате взаимодействия различных культурных кодов, исторических опытов и ценностных систем (Bhabha, 1994; Барковская, 2024; Темиргазина, 2021; Khaybullina et al., 2020; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

В центре нашего исследования — представление о Родине как о динамичном культурном коде. Мы исходим из того, что в этом коде неразрывно связаны

конкретные природные локусы, историческая память, нравственные ориентиры и глубоко личное, почти интимное переживание собственной принадлежности. Такой ракурс позволяет смотреть на поэтические тексты иначе: это не просто ещё одно отражение патриотической темы, а скорее способ художественного моделирования — и национального самосознания, и более сложных межкультурных связей. Если обратиться к поэзии XIX–XXI веков, становится заметно, как сквозные, устойчивые символы — земля, поле, река, деревня, дом, дорога, память предков — сохраняют преемственность и одновременно в каждую эпоху наполняются новыми смыслами, обретают собственное звучание (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Erll & Nünning, 2010; Hodgson & Smith, 2020).

В статье мы ставим цель проследить, как эволюционировал образ Родины в русской поэзии XIX–XXI веков. В качестве материала взяты произведения А. Кольцова, И. Никитина, Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Яшина и В. Гундарева.

Чтобы достичь поставленной цели, необходимо последовательно решить несколько задач. Во-первых, требуется определить теоретические основания, опираясь на которые Родину можно рассматривать именно как культурный код. Во-вторых, обосновать выбор поэтического материала. Далее — выявить устойчивые символические элементы образа Родины в поэзии XIX века, проследить его трансформацию в лирике XX века и раскрыть межкультурное измерение темы на рубеже XX–XXI веков. Завершает этот ряд задача сформулировать выводы о том, как в русской поэтической традиции соотносятся преемственность и изменчивость культурного кода Родины.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в том, что образ Родины мы рассматриваем не просто как один из традиционных мотивов русской поэзии, а как динамический культурный код. Он меняется под воздействием исторической памяти, эстетических сдвигов и процессов межкультурного взаимодействия. В отличие от большинства работ, сосредоточенных на творчестве отдельных авторов или замкнутых эпох, в данной статье предпринята попытка охватить сквозную эволюцию образа — от XIX до XXI века — и показать, как единая символическая система наращивает новые смысловые уровни в поэзии разных историко-культурных периодов.

Поэтический материал отбирался не случайно: нам важно было увидеть, как образ Родины меняется при переходе от одной историко-литературной модели к другой. На XIX век приходятся А. Кольцов и И. Никитин — они показывают этап, на котором складывается патриотико-романтический, а затем лирико-философский образ отчизны. Чтобы понять, что происходит с темой Родины в XX столетии, мы обратились к поэзии Н. Рубцова и О. Фокиной: здесь на первый план выдвигаются мотивы памяти, утраты, малой родины, духовной укоренённости. Иной ракурс даёт А. Яшин — в его стихах тема Родины получает отчётливое нравственно-этическое измерение, связанное с совестью, верностью и ощущением преемственности. Наконец, В. Гундарев представляет рубеж XX–XXI веков и выводит на передний план межкультурный аспект: в его творчестве образ Родины рождается на пересечении русской и казахстанской культурных традиций (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Ананьева, 2020; Parts, 2025; Kukulín, 2024).

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, объединяющий историко-литературный, культурно-исторический, сравнительно-

---

типологический, мотивно-образный и элементы когнитивно-поэтического анализа. Применение нескольких методов обусловлено самой природой исследуемого материала: образ Родины в русской поэзии XIX–XXI веков выступает не только тематическим мотивом, но и сложной системой культурных кодов, включающей природные, исторические, нравственные, мемориальные и межкультурные компоненты (Ананьева, 2020; Erll & Nünning, 2008; Huyssen, 2003; Stockwell, 2020).

Историко-литературный метод дает возможность увидеть, как образ Родины ведёт себя во времени. Условный XIX век — это прежде всего мотивы национальной целостности, природной гармонии, патриотического служения. Век двадцатый многое перестраивает: здесь всё громче звучат память, утрата, малая родина, чувство духовной неустойчивости. Рубеж XX–XXI столетий добавляет ещё один существенный слой — межкультурное измерение, которое раньше оставалось на периферии (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Ананьева, 2020; Барковская, 2024).

Культурно-исторический метод позволяет связывать поэтическое осмысление родной земли с тем, что происходит за пределами текста: с историческими потрясениями, сдвигами национального самосознания, меняющимися представлениями о памяти, доме, языке, малой родине и самой культурной принадлежности. Без этого контекста многие поэтические решения просто теряют свою объяснительную глубину (Boym, 2001; Erll & Nünning, 2010; Huyssen, 2003; Hodgson & Smith, 2020; Boele & Schellens, 2024).

Сравнительно-типологический метод применяется для сопоставления художественных моделей Родины у разных авторов. Сопоставление поэзии А. Кольцова и И. Никитина позволяет выявить различие между героико-патриотическим и лирико-философским типами осмысления отчизны. Анализ текстов Н. Рубцова и О. Фокиной даёт возможность проследить развитие мотива малой родины, памяти и утраты. Сопоставление А. Яшина и В. Гундарева позволяет показать переход от нравственно-этического понимания Родины к её межкультурной и евразийской интерпретации (Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Барковская, 2024; Темиргазина, 2021; Khaybullina et al., 2020; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

Мотивно-образный анализ позволяет выявить те устойчивые символические элементы, сквозь которые в стихах проступает, а точнее — выстраивается культурный код Родины. В поле нашего внимания попали образы и мотивы, без которых разговор на эту тему, кажется, просто невозможен: земля, поле, река, берёза, деревня, дорога, дом, материнское начало, память предков, родной язык, нравственный долг, совесть, верность. Анализируя этот ряд, мы пытались понять, что держится крепко и передаётся сквозь два столетия почти без изменений, а что, напротив, в каждую эпоху и у каждого автора обретает новое смысловое наполнение (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Гундарев, 2014).

Отдельного упоминания заслуживают элементы когнитивно-поэтического анализа. Они понадобились, чтобы увидеть, как именно стихотворный текст моделирует представление о Родине — моделирует не отвлечённо, а как пространство личной и одновременно коллективной идентичности. Здесь на передний план выходят метафорические модели, и набор их вполне узнаваем: Родина-мать, Родина-земля, Родина-дом, Родина-память, Родина-путь и, пожалуй, самая субъективная — Родина как «география души». При таком ракурсе образ Родины перестаёт быть только предметом изображения и становится ещё и способом организации самого художественного

мышления — тем узлом, где личный опыт автора срастается с национальной, исторической и межкультурной памятью (Bhabha, 1994; Erll & Nünning, 2010; Stockwell, 2020).

Материалом для исследования послужили избранные стихотворения А. Кольцова, И. Никитина, Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Яшина и В. Гундарева. Отбор не был произвольным — мы руководствовались тремя достаточно жёсткими критериями. Первый: в стихотворении должен явно присутствовать образ Родины или малой родины, а не просто беглое упоминание. Второй: текст должен быть репрезентативен для своего историко-литературного периода, то есть отражать не только авторскую манеру, но и более широкие тенденции. Третий критерий — возможность увидеть в произведении, как личное переживание автора выходит на связь с культурным, национальным или межкультурным контекстом.

Анализ проводился поэтапно. Сначала мы выделили ключевые мотивы и символы Родины в поэзии XIX века. На втором этапе прослеживалось, что с этими мотивами происходит в XX веке. Третий этап был посвящён текстам рубежа XX–XXI веков. И наконец, на завершающем этапе мы обобщили всё, что удалось увидеть, чтобы определить основные направления эволюции образа Родины как культурного кода в русской поэзии XIX–XXI веков.

Результаты и обсуждение

Русская поэзия XIX века дала один из ключевых вариантов художественного осмысления Родины как культурного кода. В этот период образ родной земли уже никак не сводится к одной лишь географии: он вбирает в себя представления о народе, об исторической памяти, о природной целостности, о духовно-нравственных ценностях и, конечно, о национальном самосознании. После потрясений начала столетия литература всё очевиднее становится тем пространством, где национальная идентичность не просто проговаривается, а именно формируется — через слово, через образ, через осмысление судьбы страны и духовных оснований народа (Троицкий, 2019; Hellebust, 2024).

Если брать Кольцова и Никитина, то они дают два взаимодополняющих способа воплотить Родину в поэтическом тексте — и оба варианта складываются уже в XIX веке. У Кольцова господствует героико-патриотическая модель. Здесь Родина — это пространство коллективной энергии, народной силы, готовности к самоотверженному служению. Никитин идёт иначе: у него усиливается лирико-философская линия, Родина осмысляется через природную целостность, материнское начало, сыновнюю привязанность, глубинную внутреннюю связь человека с землёй. Само это сопоставление показательно: оно говорит о том, что образ Родины уже в XIX веке не был однозначным — внутри него уживались, переплетались и спорили друг с другом эпическое, гражданское, природное и глубоко личное, интимное начала (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Ананьева, 2020; Барковская, 2024; Троицкий, 2019).

У Кольцова образ Родины вызревает прежде всего через интонацию — героико-эпическую, приподнятую, иногда почти песенно-маршевую. Возьмём «Военную песню», «Русскую песню», «Ура» — во всех этих стихотворениях отчизна дана как пространство народного подвига, исторического действия, патриотической мобилизации (Кольцов, 1984). Патриотическое чувство у Кольцова не отвлечённое и не декларативное — оно держится на мотиве личной жертвы во имя общего целого. Вот характерный фрагмент из «Военной песни»:

---

*«Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг...»
(Кольцов, 1984, с. 112).*

По сути, в этих двух строках отражена главная для кольцовской поэтики модель Родины: личное чувство не отменяется, не стирается, но сознательно подчиняется более высокому нравственному закону — служению Отечеству. Именно так и работает культурный код Родины у Кольцова: он возникает как код коллективной самоотдачи, в котором человек перестаёт быть частным лицом и осознаёт себя частью общей народной судьбы.

В «Русской песне» Кольцов ловит другое — ощущение внутренней свободы, почти стихийной народной силы, которую трудно удержать в рамках:

*«Словно птица быстролётная
Пролетела море синее...»
(Кольцов, 1984, с. 134).*

Птица здесь — символ неудержимого движения, духовной широты, исторической жизнеспособности народа. Это вполне в духе романтического представления о национальном характере как о силе живой, свободной и динамичной.

А в стихотворении «Ура» патриотическое чувство у Кольцова обретает уже не образное, а звуковое тело: боевой клич осмысливается им как голос самого народа, как сгусток коллективного сознания:

*«Мысль народа, звук души,
Всероссийское “ура!”»
(Кольцов, 1984, с. 156).*

Так у Кольцова и выстраивается триада: народ, подвиг и голос. Через неё Родина раскрывается не как точка на карте, а как переживание исторического единства — того момента, когда личное «я» вращается в общее «мы».

И. Никитин — современник Кольцова, но разрабатывает совсем другой тип поэтического осмысления Родины. Патриотическая направленность у него сохраняется, однако акцент решительно смещается: с героического действия — на внутреннее чувство, на природную укоренённость, на философское, почти медитативное переживание родной земли (Никитин, 1988). В стихотворении «Уж и есть за что» образ России у него строится через материнскую метафору — и это сразу всё меняет:

*«Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью»
(Никитин, 1988, с. 45).*

Здесь Родина — уже не объект патриотического восхищения, а живое, родственное начало. Мотив Родины-матери переводит патриотическое чувство из гражданской риторики в регистр личной, почти семейной привязанности. Если у Кольцова работала модель героической мобилизации, то у Никитина пространство иное: Родина становится пространством доверия, сыновнего чувства и той особенной духовной близости, которая не требует громких деклараций.

В стихотворении «Когда Невы, окованной гранитом...» Никитин сводит воедино природный и историко-культурный ряды. Северный пейзаж, Нева, фигура Петра, мотив

преображённого пространства — всё это складывается в систему, где природа и история уже не разделены, а прочитываются как части единого культурного кода. Природа здесь перестаёт быть просто фоном, декорацией: она оказывается смыслообразующим элементом национального бытия. Вот как это звучит:

*«Здесь одевал леса и небеса
И так была печальна и сурова
Пустынных вод холодная краса»
(Никитин, 1988, с. 78).*

Обратим внимание, что образ Родины держится на стыке первозданной природной силы и человеческой исторической воли. Для XIX века это принципиально — литература тогда активно участвует в создании большого национального повествования, в лепке художественного образа страны (Hellebust, 2024).

Совсем иная интонация возникает в «Отъезде». Здесь тема Родины окрашивается элегически — и именно потому, что родная земля увидена сквозь призму разлуки, сквозь возможную невозвратность:

*«Может быть, уже в последний раз
Мои тоскующие взоры
Любуются на ваш сверкающий алмаз»
(Никитин, 1988, с. 91).*

В этих строках возникает мотив, которому предстоит долгая жизнь в поэзии XX века: острее всего Родина осознаётся именно тогда, когда от неё отрываешься. Разлука превращает родной пейзаж в объект памяти, тоски, внутреннего удержания. А в стихотворении «Поле» эта связь заходит ещё глубже: «Здесь мать моя, друг и наставник — природа» (Никитин, 1988, с. 105). Природа у Никитина не просто изображается — она воспитывает, направляет, становится источником нравственных координат.

Таким образом, XIX век задаёт два основных направления в формировании культурного кода Родины. Кольцов разрабатывает линию героического единства народа, коллективного голоса, жертвенного служения. Никитин выстраивает другую модель — с материнской метафорой, природной укоренённостью, чувством разлуки и философским переживанием связи человека с землёй. В совокупности эти две модели дают тот исходный смысловой фундамент, на котором позже, уже в поэзии века двадцатого, вырастет понимание Родины более сложное, личностно углублённое и нередко трагически окрашенное (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Ананьева, 2020; Барковская, 2024; Троицкий, 2019; Hellebust, 2024).

С XX веком образ Родины заметно усложняется. Там, где поэзия XIX столетия видела прежде всего природную гармонию, народную целостность и патриотическое служение, XX век выдвигает на первый план память, утрату, разрыв с истоками и острое, подчас болезненное переживание малой родины. Родина всё реже предстаёт как нечто само собой разумеющееся, устойчивое и безусловное; скорее, она оказывается хрупкой ценностью, которую необходимо удержать — в памяти и в слове (Boym, 2001; Erll & Nünning, 2010; Huyssen, 2003; Ананьева, 2020; Voelle, 2024).

В этом контексте Н. Рубцов и О. Фокина дают два близких, но внутренне не совпадающих поэтических подхода. Обоих поэтов обычно записывают в «тихую лирику». Однако внутри общего вектора их взгляды всё же расходятся. У Рубцова Родина чаще раскрывается как пространство, пронизанное исторической и личной памятью. У

Фокиной она прочнее привязана к мотиву малой родины, почти телесной укоренённости в земле, к уходящему миру крестьянской культуры и к тревоге за его исчезновение (Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Voele, 2024; Petrov, 2018; Петрова, Шурыкина, 2020).

У Рубцова образ Родины обретает подлинную экзистенциальную глубину. Он не столько проговаривается в прямых патриотических заявлениях, сколько проступает сквозь пейзажные детали, мотивы памяти, сиротства, одиночества и подспудной духовной связи с землёй. В стихотворении «Берёзы» привычный для русской поэзии природный символ — берёза — вдруг оказывается знаком личной, незаживающей утраты и одновременно символом преемственности:

*«Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей»
(Рубцов, 1983, с. 56).*

Берёза здесь не просто национальный символ, не расхожий поэтический знак. Через неё природное, семейное и мемориальное стягиваются в один узел: родной пейзаж делается местом, где личная боль вырастает в более широкую систему культурной памяти. Именно поэтому Родина у Рубцова воспринимается как пространство, в котором частная биография и национальная судьба уже не разделяются (Рубцов, 1983; Erll & Nünning, 2010; Voele, 2024).

В стихотворении «Поэзия» он прямо подчёркивает нерасторжимость родной земли, слова и исторической глубины:

*«Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится...»
(Рубцов, 1983, с. 89).*

Сельский покой здесь не перерастает в идиллию; скорее, он становится формой внутреннего возвращения к истокам — к тому культурному слою, который хранит память о прошлом. А в «Видениях на холме» память получает уже прямое историческое измерение. Взгляд поэта обращается к образам древней Руси и монгольского нашествия, и тема Родины выходит далеко за рамки сугубо личного переживания — в пространство трагической судьбы народа:

*«Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмив на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...»
(Рубцов, 1983, с. 124).*

В этом фрагменте образ Родины складывается сразу из трёх планов — пейзажного, исторического и почти эсхатологического. Россия для Рубцова — не государство, а пространство испытаний, памяти и какой-то глубинной духовной неуничтожимости. Культурный код Родины у него держится на пересечении трёх главных мотивов: родной природы, личной утраты и исторической боли (Рубцов, 1983; Voym, 2001; Erll & Nünning, 2010; Voele, 2024).

О. Фокина работает в близком направлении, но взгляд у неё более земной, укоренённый в крестьянском быте. Её Родина — это прежде всего малая родина, северная земля, деревенский труд, живая народная речь и память о традиционном укладе. Связь фокинской поэзии с фольклорными мотивами, с народным словом и с

интертекстуальными переключками внутри русской литературной традиции не раз отмечалась исследователями — и это действительно позволяет рассматривать её художественный мир как прямое продолжение народно-поэтической линии (Petrov, 2018).

В стихотворении «Как же ты пахнешь, сырая земля!» земля возникает не как отвлечённая стихия, а как сакральная, но при этом остро ощутимая основа существования:

*«Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевёрнутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни мёдом, ни луком»
(Фокина, 2008, с. 35).*

Эта подчёркнутая материальность не снижает образ, а наоборот, усиливает его онтологическое звучание. Земля здесь — первооснова, которая питает не только тело, но и душу. У Фокиной Родина воплощена через запах, вкус, прикосновение, через трудовое и телесное переживание. Её образ Родины можно, пожалуй, определить как код укоренённости: связь с родным пространством проживается чувственно и жизненно, а не умозрительно (Фокина, 2008; Петрова, Шурыкина, 2020).

Есть у Фокиной и ещё один принципиальный взгляд — она последовательно разводит и одновременно связывает большую и малую родину. В стихотворении «Большая Родина без малой» поэтесса показывает, что патриотическое чувство, оторванное от личного опыта, от родного дома, от земли детства и памяти повседневной жизни, теряет конкретность, становится почти абстракцией:

*«Непредставима, неконкретна,
Не столь заботлива, тепла...»
(Фокина, 2008, с. 79).*

Для Фокиной это действительно принципиальная мысль: большая Родина обретает живость и значимость только через малую. Малая родина — это то, что придаёт общенациональному образу эмоциональную достоверность, конкретность и нравственную силу. Поэтому деревня, земля, запах сена, родной город, северная речь, крестьянский труд — всё это у неё не просто бытовые детали, а полноценная система культурных знаков (Фокина, 2008; Petrov, 2018).

А в стихотворении «Россия, Русь! Храни себя, храни» традиционный образ Родины-матери поворачивается новой, трагически активной гранью. Фокина изображает Родину уже не как страдающее пространство, которое только и ждёт защиты; здесь она словно обретает собственную волю к самосохранению. При этом ответственность тут же переводится и на человека — на того, кто утратил живую связь с духовными основаниями:

*«Твои сыны хранить тебя не могут!
У них свои дела — не слава богу»
(Фокина, 2008, с. 113).*

В этих строках показан кризис прежней патриотической модели: Родина сохраняет своё сакральное значение, а вот человек далеко не всегда способен выступить её хранителем. Так тема Родины у Фокиной обретает нравственно-критическое измерение — любовь к родной земле оказывается неотрывной от тревоги за её судьбу и от остро осознанной человеческой ответственности (Фокина, 2008; Ананьева, 2020; Petrov, 2018).

Ещё резче мотив утраты проступает в миниатюре «На асфальте заблудился запах сена». Запах сена, вырванный из родного контекста и перенесённый в городскую среду, делается знаком уходящего, почти исчезающего деревенского мира:

*«На асфальте заблудился запах сена.
В этом мире, на родимый не похожем,
Всюду стены, всюду каменные стены,
Да и люди будто каменные тоже»
(Фокина, 2008, с. 145).*

Столкновение деревни и города подано у Фокиной как конфликт двух пространственных кодов: живого, природного, родового — и каменного, отчуждённого, безличного. Запах сена — последний посланник малой родины, который в мире асфальта и стен оказывается попросту лишним. Урбанистическое пространство поэтому осмысливается у неё не только как социальная реальность, но и как прямая угроза памяти, языку природы и органической связи человека с родной землёй (Фокина, 2008; Воум, 2001; Huysen, 2003).

Вместе с тем поэтический мир О. Фокиной не сводится к одной лишь трагической фиксации утрат. В стихотворениях «Простые звуки родины моей» и «Вологде» малая родина дана как живой источник душевного равновесия, тепла и внутренней устойчивости. Звуки реки, леса, поля, сезонные краски Вологды и всего северного пространства собираются в образ Родины как многоголосого, дышащего мира. Индивидуально-авторская картина мира Фокиной строится именно через конкретные чувственные образы — цветовые, звуковые, речевые детали — а не через отвлечённую символизацию (Петрова, Шурыкина, 2020).

Таким образом, Н. Рубцов и О. Фокина работают внутри общей для XX века проблематики — память, утрата, духовная укоренённость, — но акценты расставлены по-разному. У Рубцова Родина чаще проступает как пространство исторической памяти, личной боли и национальной судьбы. У Фокиной она привязана к малой родине — к земле, деревне, народной речи, к запахам и звукам, к нравственной ответственности за сохранение традиционного мира. При всём различии интонаций результат оказывается общим: образ Родины перестаёт быть просто пейзажем или патриотическим символом. Он превращается в культурный код — через него поэтический текст и выражает связь человека с прошлым, землёй, языком, памятью и народной судьбой (Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Erll & Nünning, 2010; Boele, 2024; Petrov, 2018).

Во второй половине XX века тема Родины всё заметнее смещается в сторону нравственно-этических оснований: важным становится не только то, что человек помнит и по чему тоскует, но и перед чем он держит ответ. Поэт А. Яшин добавляет к образу Родины особое значение — категорию нравственной ответственности. Его художественный мир связан с деревенской темой, но не сводится к ней. Деревня, природа, родной дом оказываются у Яшина не просто пространственными образами — они становятся своего рода проверкой: на верность совести, труду, памяти и человеческому братству (Яшин, 1982; Parthé, 2004; Большакова, 2022; Четырова, Сахаров, 2023).

А. Яшин стоит в русской литературе XX века особняком — и не потому, что в его поэзия, гражданская лирика и проблематика, близкая деревенской прозе, сходятся в одной точке. Для него Родина — это мир людей, которых связывает общая судьба, общий труд, общая память и нравственные обязательства друг перед другом. Образ Родины постепенно отходит от природно-бытовой конкретности и всё заметнее

насыщается этическим содержанием. Родная земля у Яшина ценна как то пространство, где в человеке формируются совесть, честь, верность и чувство ответственности перед другим (Яшин, 1982; Parthé, 2004).

В стихотворении «Березовые колки» образ Родины складывается на стыке северного пейзажа и повседневного деревенского уклада. Берёзы, хлебные поля, сама простота речи и быта — всё это создаёт картину мира, в котором природное и человеческое существуют не по отдельности, а в органическом единстве. Строки «Но слов понятнее и проще / Здесь и не нужно никому» (Яшин, 1982, т. 1, с. 112) говорят как раз об этом. Простота здесь не от бедности, а от внутренней достаточности: Родина у Яшина не требует риторических украшений, её смысл раскрывается через труд, молчаливое согласие человека с землёй и ясность нравственных ориентиров.

Иная грань — в стихотворении «Запасаемся светом». Там образ Родины держится на мотиве внутренней стойкости. Скромный быт, никакого внешнего изобилия, сдержанная, почти приглушённая интонация — и при этом тема не снижается, а наоборот, обретает достоинство. Человек у Яшина способен сохранять свет, надежду и душевное равновесие именно в условиях повседневных трудностей. «Свет» — это метафора той нравственной энергии, которую человек получает от родной земли, от памяти и от ощущения человеческой общности (Яшин, 1982, т. 1, с. 156; Parthé, 2004; Большакова, 2022; Четырова, Сахаров, 2023).

Стихотворение, которое держит на себе всю его модель Родины - «Не только слова». Здесь поэт прямо называет те нравственные категории, которые образуют внутренний фундамент национального бытия: «Отечество», «Верность», «Братство», «Совесть», «Честь» (Яшин, 1982, т. 1, с. 203). Показательно, что у Яшина всё это не повисает в воздухе отвлечёнными лозунгами. Сама формула «не только слова» сразу снимает пафосную абстракцию — она подчёркивает: каждое из этих понятий требует жизненного подтверждения. Родина в таком понимании существует не только в языке, не только в памяти и не только в пейзаже — она удостоверяется поступком человека, его способностью соотнести личную жизнь с нравственным законом.

Поэтому образ Родины у Яшина определяется как нравственно-этический культурный код. Его основу составляют не одни лишь традиционные символы родной земли. К ним добавляются ценностные категории, без которых принадлежность к Родине теряет внутренний смысл. Если оглянуться на предшественников, разница становится отчётливой: у Кольцова патриотическое чувство шло через героическое служение, у Никитина — через природно-материнское начало, у Рубцова — через память и боль утраты, у Фокиной — через малую родину и почти телесную укоренённость. У Яшина Родина раскрывается прежде всего как пространство нравственного выбора (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Erll & Nünning, 2010; Большакова, 2022).

В стихотворении «Я давно на родине не был...» поэт обращается к мотиву возвращения и одновременно смотрит на изменения деревенского мира трезвым, не ностальгически-слепым взглядом. С одной стороны, традиционные знаки родины ещё держатся: реки, горы, отчий дом. С другой — в пейзаж уже вторгаются новые реалии, связанные с модернизацией, с перекройкой сельского пространства. Ироническая переключка с Москвой, которая возникает в стихотворении, интересна не отказом от современности, а скорее фиксацией сложности: родная деревня сохраняет значимость как раз потому, что прошлое и настоящее вступают здесь в напряжённый, далеко не всегда мирный диалог (Яшин, 1982, т. 1, с. 245; Четырова, Сахаров, 2023).

Так Яшин и оказывается на переходе — между поэтической традицией малой родины и тем межкультурным осмыслением Родины, которое позже заявит о себе у В. Гундарева. В его лирике ещё жива связь с деревней, природой, родным домом — но все эти образы всё плотнее насыщаются нравственным содержанием. Родина у Яшина — не просто место рождения, а система ценностей, на которых держатся человеческое достоинство, совесть, верность и ответственность. Именно через этот нравственно-этический код и совершается переход: от образа Родины как памяти о родной земле — к образу Родины как сложной духовной и культурной идентичности (Яшин, 1982; Parthé, 2004; Большакова, 2022; Четырова, Сахаров, 2023; Воум, 2001; Erll & Nünning, 2010).

С В. Гундаревым в эволюцию образа Родины входит нечто принципиально новое. У него родная земля перестаёт быть замкнутым национальным локусом — она оказывается пространством, где пересекаются сразу несколько культурных координат. Если поэты XIX века чаще всего связывали Родину с образом России как целостного историко-природного мира, то у Гундарева эта целостность осложнена опытом жизни в Казахстане и, как следствие, двойной культурной принадлежностью. Его поэзия в этом смысле сближается с проблематикой гибридной идентичности, характерной для русскоязычной литературы Казахстана: здесь образ родной земли складывается из этнической памяти, региональной укоренённости и гражданского самоощущения (Барковская, 2024; Khaybullina et al., 2020; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

В «Прологе» Казахстан сразу задан не как что-то внешнее или чужое — это место, где человек состоялся:

*«Возрастал я на целинной ниве,
Стала близкой мне степная даль»
(Гундарев, 2014, с. 45).*

Образ целины здесь — не просто историко-бытовая деталь, а своего рода знак включения лирического субъекта в казахстанский культурный ландшафт. Степь становится пространством взросления, труда, памяти — и, что не менее важно, внутреннего принятия. Поэтому когда Гундарев пишет: «Русский сын казахского народа, / Неспроста меня так нарекли» (Гундарев, 2014, с. 46), — это не декоративный мотив дружбы народов. За этой строкой стоит куда более серьёзная форма самоидентификации: герой мыслит себя одновременно и через русское происхождение, и через казахстанский жизненный опыт.

Но казахстанская укоренённость у Гундарева не отменяет связи с Россией — скорее, они сосуществуют в одном внутреннем пространстве: «Но частица матери России / Незабудкой навсегда во мне» (Гундарев, 2014, с. 47). Незабудка здесь работает как символ памяти, причём памяти интимной, не политической: Россия сохраняется в сознании героя не как абстракция, а как знак происхождения, родового чувства, культурной преемственности. И вот что в итоге получается: две родины не противопоставлены, а образуют единую смысловую структуру. Именно это и позволяет говорить о гундаревской «географии души» — о таком поэтическом пространстве, где физическая география преобразуется в пространство памяти, идентичности и духовной принадлежности (Гундарев, 2014; Vhabha, 1994; Барковская, 2024; Khaybullina et al., 2020).

Этот сдвиг становится ещё заметнее в стихотворениях, где Гундарев обращается к образу малой родины. В «Деревеньке моей» деревня названа «святой, как хлеб» (Гундарев, 2014, с. 78) — и это не просто удачно найденное сравнение, а формула, которая придаёт

родному месту сакральный статус. А в стихотворении «Добежать торопится дорога...» сам путь к селу превращается в метафору возвращения к истокам: «До того, далёкого порога, / До села, откуда я в шестнадцать / Вышел этой жизни удивляться» (Гундарев, 2014, с. 102). Родина здесь — не административная единица, не точка на карте, а точка духовного начала, к которой субъект возвращается снова и снова, но уже в памяти. Так мотив дороги у Гундарева стягивает в один узел биографическое, культурное и экзистенциальное.

В стихотворении «В моей душе Сибирь» географическое пространство окончательно уходит во внутренний план — и там, внутри, обретает совсем иной масштаб: «А где ещё встречается / Такая даль, такая ширь?! / И всё равно вмещается / В моей душе Сибирь» (Гундарев, 2014, с. 167). Сибирь здесь — уже не часть России в привычном смысле, а метафора внутренней широты, духовной вместимости, сопричастности огромному евразийскому пространству. Получается, что художественная модель Родины у Гундарева выстраивается как многослойная система: Россия задаёт память происхождения, Казахстан — пространство жизненного становления, Сибирь — образ внутренней широты, а деревня остаётся сакральным центром личной памяти. Всё это вместе и даёт основания рассматривать его поэзию как пример межкультурного синтеза, в котором Родина превращается из национального культурного кода в евразийский (Гундарев, 2014; Барковская, 2024; Bhabha, 1994; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

Так А. Яшин и В. Гундарев и завершают поздний этап осмысления образа Родины. У Яшина он держится на нравственных константах: совесть, честь, верность, память о родной земле. У Гундарева Родина становится ареной встречи культур, где русская, казахстанская и сибирская пространственные модели не спорят друг с другом, а входят в диалог и формируют сложную, многосоставную идентичность — и личную, и коллективную одновременно (Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Барковская, 2024; Khaybullina et al., 2020).

Подводя итоги можно утверждать, что эволюция образа Родины в русской поэзии XIX–XXI веков — это не линейная смена одних художественных моделей другими. Скорее, речь идёт о последовательном усложнении устойчивого культурного кода. В XIX веке Родина осмысляется по преимуществу через категории исторической целостности, природной гармонии, народного духа и патриотического служения. Поэзия двадцатого столетия всё заметнее соотносит этот образ с памятью, утратой, тревогой, с мотивом малой родины и с острым переживанием разрыва между традиционным укладом и современностью. А на рубеже XX–XXI веков добавляется ещё одно, межкультурное измерение: Родина становится не только знаком национальной принадлежности, но и пространством, где вступают в диалог разные культурные опыты — особенно отчётливо это видно в русскоязычной поэзии Казахстана (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Ананьева, 2020; Барковская, 2024; Bhabha, 1994; Темиргазина, 2021; Khaybullina et al., 2020; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

Родина во всех рассмотренных нами текстах работает не просто как тематический центр, а именно как способ художественного моделирования идентичности. У Кольцова и Никитина она связана с героико-патриотическим и природно-философским восприятием мира, у Рубцова и Фокиной — с памятью, болью утраты и образом малой родины, у Яшина — с нравственными константами, а у Гундарева — с межкультурной самоидентификацией и евразийским пространством памяти. Иными словами, на всём протяжении от XIX века до начала XXI столетия образ Родины ведёт себя как динамическая

художественная структура, внутри которой личное, национальное, историческое и межкультурное начала не просто соседствуют, а образуют единую смысловую систему (Erll & Nünning, 2010; Huysse, 2003; Boym, 2001; Барковская, 2024; Темиргазина, 2021; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать основной вывод: образ Родины в русской поэзии XIX–XXI веков не просто меняется — он движется от сравнительно целостной героико-патриотической и природно-гармонической модели к сложному, внутренне неоднородному культурному коду. В этом коде со временем сплетаются историческая память, личное переживание, мотив утраты, нравственная рефлексия и межкультурная самоидентификация.

В поэзии XIX века Родина осмысливается по преимуществу как пространство национальной целостности, природной свободы и патриотического служения. У Кольцова господствует эпико-героическое начало, и Родина раскрывается через образ народа и идею самоотдачи во имя Отечества. Никитин даёт более интимное, философское звучание: у него Родина соотносится с природой, материнским началом, личной привязанностью и внутренней свободой (Кольцов, 1984; Никитин, 1988; Ananyeva, 2020; Барковская, 2024).

XX век заметно усложняет эту картину. У Рубцова Родина становится пространством трагической исторической памяти, где личная боль неотделима от судьбы народа. У Фокиной на первый план выдвигается малая родина — как источник нравственной опоры, как телесная укоренённость и одновременно как утрачиваемый мир, который вытесняется урбанистической цивилизацией (Рубцов, 1983; Фокина, 2008; Boym, 2001; Erll & Nünning, 2010; Huysse, 2003).

На рубеже XX–XXI веков тема Родины обретает новое смысловое наполнение — и связано это с именами Яшина и Гундарева. У Яшина Родина укореняется в нравственных категориях: совесть, верность, братство, преемственность. У Гундарева она превращается в многослойное пространство культурной памяти, где Россия, Казахстан, Сибирь и малая родина не противопоставляются друг другу, а образуют единую «географию души». Именно поэтому гундаревский образ Родины можно рассматривать как пример евразийского культурного кода, основанного на взаимодействии русской и казахстанской традиций (Яшин, 1982; Гундарев, 2014; Bhabha, 1994; Барковская, 2024; Темиргазина, 2021; Khaybullina et al., 2020; Yatsenko & Yatsenko, 2023).

В ходе исследования удалось выявить и те устойчивые символические элементы, которые, собственно, и формируют культурный код Родины: земля, поле, река, берёза, деревня, дорога, дом, память о предках, родной язык, нравственные категории. Примечательно, что эти образы сохраняют преемственность на протяжении двух столетий — но при этом в разные исторические периоды получают разное смысловое наполнение: от романтической идеализации и патриотического подъёма до трагической рефлексии, ностальгии, ощущения утраты и межкультурного диалога.

Таким образом, исследование подтверждает продуктивность того подхода, при котором образ Родины рассматривается как динамический культурный код — меняющийся под воздействием исторической памяти, эстетических трансформаций и межкультурного взаимодействия.

Перспективы нашего исследования связаны с расширением сравнительного материала. Не менее интересно проследить его трансформацию в современной поэзии эмиграции, в сетевой поэзии и в текстах, рождающихся в условиях культурного пограничья. Особый интерес вызывает и то, как в поэзии XXI века меняются категории дома, памяти, языка и национальной принадлежности.

Конфликт интересов, благодарности и информация о финансировании

Авторы заявляют об отсутствии явных или потенциальных конфликтов интересов.

Исследование выполнено без внешнего финансирования, в рамках личной научной инициативы.

Авторы благодарят коллег и рецензентов за ценные замечания, а также научное сообщество ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва за создание творческой атмосферы.

Вклад авторов

Нурғали Кадиша Рустембековна – концептуализация исследования, разработка методологии, анализ поэтических текстов XIX–XX веков, написание текста статьи.

Богданова Юлия Владимировна – анализ теоретической литературы, формулировка выводов, критический пересмотр содержания, утверждение окончательного варианта статьи, сбор и анализ материалов по поэзии рубежа XX–XXI веков, подготовка библиографии, оформление статьи.

Список литературы

Ананьева, С. В. (2020). Концепт «память» и национальный образ мира в творчестве Александра Кана. Полилингвильность и транскультурные практики, 17(3), 343–351. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351.

Барковская, Н. В. (2024). Гибридная идентичность и образ родной земли в казахстанской русскоязычной поэзии. Филология и культура, 2(76), 86–91. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-86-91.

Большакова, А. Ю. (2022). Типология композиции в деревенской прозе XX века. Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 5, 73–80. DOI: 10.20339/PhS.5-22.073.

Гундарев, В. (2014). Моим читателям. Астана.

Кольцов, А. В. (1984). Стихотворения и проза. Москва: Художественная литература.

Никитин, И. С. (1988). Стихотворения. Москва: Правда.

Петров, А. В. (2018). Прецедентные имена и тексты русской литературы в творчестве Ольги Фокиной. Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2, 60–66. DOI: 10.20339/PhS.2-18.060.

Петрова, Т. В., Шурыкина, Л. С. (2020). Палитра девяностых в поэзии Ольги Фокиной. Русский язык в школе, 81(1), 82–89. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-82-89.

Рубцов, Н. М. (1983). Избранное. Москва: Советский писатель.

Темиргазина, З. К. (2021). Транскультурализм и его проявление в поэтике лирических текстов. Полилингвильность и транскультурные практики, 18(1), 29–43. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43.

Троицкий, В. Ю. (2019). Национальное самосознание в русской поэзии 1816–1821 гг. Два века русской классики, 1(2), 8–35. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-2-08-35.

Фокина, О. А. (2008). Поэтические линии времени. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс.

Четырова, Л. Б., Сахаров, А. С. (2023). «Деревенская проза» в контексте конфликта традиционной русской культуры и советской модерности. Семиотические исследования, 3(2), 99–106. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106.

-
- Яшин, А. Я. (1982). Избранные произведения (Т. 1). Москва: Художественная литература.
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. London; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203820551.
- Boele, O. (2024). Reading and worshipping Nikolai Rubtsov: Evolution of a literary cult. In O. Boele & D. Schellens (Eds.), *Reading Russian Literature, 1980–2024: Literary Consumption, Memory and Identity* (pp. 59–84). Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-69816-3_4.
- Boele, O., Schellens, D. (Eds.). (2024). *Reading Russian Literature, 1980–2024: Literary Consumption, Memory and Identity*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-69816-3.
- Boym, S. (2001). *The future of nostalgia*. New York: Basic Books.
- Erl, A., Nünning, A. (Eds.). (2010). *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook*. Berlin; New York: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110207262.
- Hellebust, R. (2024). Literary history and national identity. In *How Russian Literature Became Great* (pp. 55–77). Ithaca: Cornell University Press. DOI: 10.7591/cornell/9781501773419.003.0004.
- Hodgson, K., Smith, A. (2020). *Poetic Canons, Cultural Memory and Russian National Identity after 1991*. Oxford: Peter Lang. DOI: 10.3726/b16254.
- Huysen, A. (2003). *Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Khaybullina, A. A., Nagumanova, E. F., Nurgali, K. R. (2020). Genre strategy of modern Russian-language poetry in Kazakhstan. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 2609–2615. DOI: 10.6000/1929-4409.2020.09.321.
- Kukulin, I. (2024). Writing within the pain: Russophone anti-war poetry of 2022. *Slavic Review*, 82(3), 657–667. DOI: 10.1017/slr.2023.289.
- Parthé, K. F. (2004). *Russia's dangerous texts: Politics between the lines*. New Haven; London: Yale University Press. DOI: 10.12987/9780300138221.
- Parts, L. (2025). “In the language of the aggressor, I cry for its victims”: Russophone anti-war poetry of witnessing. *Slavic Review*, 83(3), 485–503. DOI: 10.1017/slr.2024.500.
- Stockwell, P. (2020). *Cognitive poetics: An introduction*. 2nd ed. London; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780367854546.
- Yatsenko, I. I., Yatsenko, A. V. (2023). Cultural boundaries in post-Soviet Russian-language texts of Kazakhstan's writers. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20(4), 694–707. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-4-694-707.

Қ.Р. Нұрғали, Ю.В. Богданова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Отан ретіндегі мәдени код: орыс поэзиясындағы XIX–XXI ғасырлардағы бейненің эволюциясы

Аңдатпа. Орыс поэзиясындағы Отан тақырыбы екі ғасыр ішінде елеулі түрде өзгеріске ұшырады. XIX ғасырда ол көбіне романтикалық тұрғыдан берілді: таңданыс, идеализация, патриоттық сезім басым болды. Бүгінгі күнге қарай бұл көрініс айтарлықтай күрделенді. Қазіргі авторлар Отан туралы өзгеше жазады — олардың шығармаларында махаббат та, күйініш те, өткеннің қайғылы беттерін еске алу да, елдің ішкі алуан түрлілігін қабылдауға ұмтылыс та бар. Туған жер туралы әңгіме терең жеке, тіпті лирикалық сипатқа ие болады. Жұмыста тарихи дәуірлердің ауысуы, қоғамдық күйзелістер мен жаңа эстетикалық талаптар поэтикалық көзқарасты біртіндеп қалай өзгерткендігі көрсетіледі. Тұрақты бейнелер (жер, дала, өзен, қайың, ауыл, жол, үй) мен мотивтер жарқын пасторальдан бастап жүрек сыздататын алаңдаушылыққа дейін айқындалады. Ұжымдық жады арқылы бұл элементтер орыс лирикасының айқын мағыналық құрылымын қалыптастырады. Қазіргі мәтіндерді талдау қызықты үрдісті көрсетеді: Отан бейнесі барған сайын дәстүр мен жаңашылдықтың, жеке мен жалпының қақтығыс алаңына

айналуда. Поэзия тек естелікті сақтап қана қоймай, оны үнемі қайта өңдеп, өзіміз туралы түсініктеріміздің тоқырап қалуына жол бермейді. Мұндай көзқарас бұрыннан зерттелген материалда жаңа қырлар ашады.

Түйін сөздер: Отан, мәдени код, орыс поэзиясы, бейненің эволюциясы, мәдениетаралық өзара әрекеттесу.

K.R. Nurgali, Yu.V. Bogdanova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Homeland as a cultural code: the evolution of the image in Russian poetry of the XIX–XXI centuries

Abstract. Over two centuries, the theme of the homeland in Russian poetry has undergone a remarkable transformation. In the 19th century, it was presented primarily through a romantic lens: delight, idealisation, and patriotic feeling. By our time, the picture has become dramatically more complex. Today’s authors write about the homeland differently — their works contain both love and bitterness, memory of the tragic pages of the past, and an attempt to embrace the country’s inner diversity. The conversation about one’s native land becomes deeply personal, almost confessional. The paper shows how the succession of historical eras, social upheavals and new aesthetic demands gradually reshaped the poetic optics. Stable images (river, village, monument) and motifs — from bright pastoral to aching anxiety — are identified. Through the prism of collective memory, these elements form a durable semantic framework of Russian lyric poetry. An analysis of contemporary texts reveals an interesting trend: the image of the homeland increasingly becomes an arena of confrontation between tradition and innovation, the personal and the universal. Poetry, it turns out, not only preserves memory but constantly reworks it, not allowing our ideas about ourselves to become ossified. This perspective opens up new facets in what would seem to be long-studied material.

Keywords: homeland, cultural code, Russian poetry, evolution of the image, intercultural interaction.

References

Ananyeva, S. V. (2020). Kontsept “pamyat” i natsional’nyy obraz mira v tvorchestve Aleksandra Kana [The concept “memory” and the national image of the world in the works of Alexander Kan]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17(3), 343–351. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-3-343-351.

Barkovskaya, N. V. (2024). Gibridnaya identichnost’ i obraz rodnoy zemli v kazakhstanskoy russkoyazychnoy poezii [Hybrid identity and the image of the native land in Kazakhstan Russian-language poetry]. *Filologiya i kultura [Philology and Culture]*, 2(76), 86–91. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-86-91.

Bolshakova, A. Yu. (2022). Tipologiya kompozitsii v derevenskoy proze XX veka [Typology of composition in village prose of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education]*, 5, 73–80. DOI: 10.20339/PhS.5-22.073.

Gundarev, V. (2014). *Moim chitatelyam [To my readers]*. Astana.

Koltsov, A. V. (1984). *Stikhotvoreniya i proza [Poems and prose]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Nikitin, I. S. (1988). *Stikhotvoreniya [Poems]*. Moscow: Pravda.

Petrov, A. V. (2018). Pretsedentnye imena i teksty russkoy literatury v tvorchestve Olgi Fokinoy [Precedent names and texts of Russian literature in the works of Olga Fokina]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education]*, 2, 60–66. DOI: 10.20339/PhS.2-18.060.

Petrova, T. V., Shurykina, L. S. (2020). Palitra devyanostykh v poezii Olgi Fokinoy [The palette of the nineties in the poetry of Olga Fokina]. *Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 81(1), 82–89. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-82-89.

-
- Rubtsov, N. M. (1983). *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow: Sovetskiy pisatel.
- Temirgazina, Z. K. (2021). Transculturalism and its manifestation in the poetics of lyric texts. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18(1), 29–43. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43.
- Troitsky, V. Yu. (2019). *Natsionalnoe samosoznanie v russkoy poezii 1816–1821 gg. [National identity in Russian poetry 1816–1821]*. *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of the Russian Classics]*, 1(2), 8–35. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-2-08-35.
- Fokina, O. A. (2008). *Poeticheskie linii vremeni [Poetic lines of time]*. Saint Petersburg: Limbus Press.
- Chetyrova, L. B., Sakharov, A. S. (2023). “Derevenskaya proza” v kontekste konflikta traditsionnoy russkoy kultury i sovetskoy modernosti [“Village prose” in the context of conflict between traditional Russian culture and Soviet modernity]. *Semioticheskie issledovaniya [Semiotic Studies]*, 3(2), 99–106. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106.
- Yashin, A. Ya. (1982). *Izbrannye proizvedeniya (Vol. 1) [Selected works]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. London; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203820551.
- Boele, O. (2024). Reading and worshipping Nikolai Rubtsov: Evolution of a literary cult. In O. Boele & D. Schellens (Eds.), *Reading Russian Literature, 1980–2024: Literary Consumption, Memory and Identity* (pp. 59–84). Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-69816-3_4.
- Boele, O., Schellens, D. (Eds.). (2024). *Reading Russian Literature, 1980–2024: Literary Consumption, Memory and Identity*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-69816-3.
- Boym, S. (2001). *The future of nostalgia*. New York: Basic Books.
- Erll, A., Nünning, A. (Eds.). (2010). *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook*. Berlin; New York: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110207262.
- Hellebust, R. (2024). *Literary history and national identity*. In *How Russian Literature Became Great* (pp. 55–77). Ithaca: Cornell University Press. DOI: 10.7591/cornell/9781501773419.003.0004.
- Hodgson, K., Smith, A. (2020). *Poetic Canons, Cultural Memory and Russian National Identity after 1991*. Oxford: Peter Lang. DOI: 10.3726/b16254.
- Huyssen, A. (2003). *Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Khaybullina, A. A., Nagumanova, E. F., Nurgali, K. R. (2020). Genre strategy of modern Russian-language poetry in Kazakhstan. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 2609–2615. DOI: 10.6000/1929-4409.2020.09.321.
- Kukulin, I. (2024). Writing within the pain: Russophone anti-war poetry of 2022. *Slavic Review*, 82(3), 657–667. DOI: 10.1017/slr.2023.289.
- Parthé, K. F. (2004). *Russia’s dangerous texts: Politics between the lines*. New Haven; London: Yale University Press. DOI: 10.12987/9780300138221.
- Parts, L. (2025). “In the language of the aggressor, I cry for its victims”: Russophone anti-war poetry of witnessing. *Slavic Review*, 83(3), 485–503. DOI: 10.1017/slr.2024.500.
- Stockwell, P. (2020). *Cognitive poetics: An introduction*. 2nd ed. London; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780367854546.
- Yatsenko, I. I., Yatsenko, A. V. (2023). Cultural boundaries in post-Soviet Russian-language texts of Kazakhstan’s writers. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20(4), 694–707. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-4-694-707.

Сведения об авторах

Нурғали Кадиша Рустембековна – доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан. E- mail: nurgalik1@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8178-27820>

Богданова Юлия Владимировна – магистр филологии, PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан. E- mail: ukis82@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1912-8376>

Нұрғали Қәдиша Рүстембекқызы – филология ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан. E-mail: nurgalik1@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8178-2782>

Богданова Юлия Владимировна – филология магистрі, PhD докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан. E-mail: ukis82@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1912-8376>

Kadisha R. Nurgali – Doctor of Philology, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. E-mail: nurgalik1@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8178-2782>

Yulia V. Bogdanova – Master of Philology, PhD doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. E-mail: ukis82@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1912-8376>

Copyright: © 2026 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).